

В Воронежском издательско-полиграфическом центре «Научная книга» вышла книга московского ученого Ивана Якушкина «Русская революция и советское государство. Политика и культура. Взгляд через сто лет». Автор излагает собственную точку зрения на одно из важнейших событий XX века, основанную не только на исторических источниках, но и на семейных архивах и личном жизненном опыте.

Иван Георгиевич Якушкин окончил радиотехнический факультет Московского энергетического института, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института физики атмосферы им. А.М. Обухова РАН, автор более 60 научных работ в области распространения радиоволн, акустики, гидродинамики, физики атмосферы. Происходит из семьи с многолетними гуманитарными традициями, идущими от декабриста И.Д. Якушкина и известного филолога В.Е. Якушкина. Это обстоятельство послужило тому, что Иван Георгиевич посвящал и посвящает много времени изучению различных вопросов истории и филологии. Он принимал деятельное участие в работе Общества памяти декабристов, выступая там с различными докладами, публиковал статьи в научных журналах гуманитарного направления, а в последнее время осуществил публикации мемуарного характера из семейных архивов. В 1990–1991 годах И.Г. Якушкин по предложению профессора Московского педагогического государственного университета Ю.Л. Хотунцева читал двухсеместровый курс истории культуры Европы и России. К культуре Европы автора заставил обратиться, прежде всего, традиционный для России интерес к немецкой поэзии. Переводами из немецких поэтов занимались бабушка автора, М.Ф. Якушкина, и он сам. Позже по предложению И.Г. Леоновой этот курс был повторен для широкой аудитории в Московском центре «Социальное партнерство». По материалам курса в 2011 году была издана книга «Лекции по истории общественной жизни и культуры России».

Книга «Русская революция и советское государство» также подготовлена на материале прочитанных лекций. Ее издание в Воронеже в некотором смысле и символично, и логично, ведь многие годы автор был непосредственно связан с городом, где работали его дед и мать. Среди близких друзей семьи Якушкиных были выдающийся историк И.Н. Бороздин, его жена, известный филолог П.А. Бороздина, литературовед А.М. Абрамов и другие. Воронежский государственный университет окончила и жена Ивана Георгиевича — филолог В.Г. Якушкина.

Предлагаем вниманию читателей главу из новой книги автора.

Русская революция представляет собой величайшее событие как всей истории России, так и мировой истории 20 века. Ее влияние на судьбу России и ее граждан невозможно преувеличить. Вместе с тем она порой совершенно недооценивается многими нашими современниками, о чем говорят иногда звучащие призывы вернуться чуть ли не к 1913 году. Столетие революции заставляет нас еще раз обратиться к прошлому. В первую очередь каждый гражданин России должен знать, что же именно тогда происходило, и постараться, не спеша с оценками, по возможности объективно взглянуть как на отдельные исторические события, так и на роль отдельных исторических деятелей. К сожалению, русская революция, в отличие от французской, не получила еще всеобъемлющего исторического описания. В еще большей степени это относится к ее судьбе, истории советского государства. Недавнее время (если не считать целого ряда выдающихся художественных произведений) замалчивало трагические стороны происходившего. Зато в последние годы говорят почти исключительно о связанном с революцией насилии. Этой стороны революции отрицать невозможно. Ведь не есть ли вся история человеческого общества — история постоянного насилия? Горькой истиной является то, что борцы с насилием (каким в первую очередь является война) сами начинают прибегать к этому ужасному методу «спасения душ», о чем говорил еще лорд Байрон. Но эти же борцы с насилием дают нам и примеры величайшего самопожертвования, а сама революция демонстрирует примеры величайших свершений. К таким свершениям относятся, в частности, ограничение власти денег и собственности над сознанием человека, распространение просвещения и приобщение к лучшему в мировой культуре миллионов людей и, конечно, победа над явлением абсолютного зла — фашизмом, перед которым могла капитулировать западная демократия.

Очевидная недостаточность общедоступных сочинений, посвященных революции и ее судьбе на пороге ее столетней годовщины, заставила автора, не профессионала-историка, но фактически свидетеля событий века (частично увиденных глазами двух предшествующих поколений его родственников) самого взяться за перо и по возможности объективно рассказать о прошлом.

Восстание, как чаще всего бывает, началось в столице, в годы войны переименованной в Петроград, как чисто стихийное следствие перебоев в снабжении города продуктами и топливом. 23 февраля (8 марта) была только мирная демонстрация женщин, вызванная введением карточек. Незадолго перед этим возобновились заседания Государственной Думы, а царь, несмотря на общее напряжение, уехал из Петрограда на фронт. Правительство, казалось, совсем не понимало опасности и не принимало действительных мер. Но уже 27 февраля непрекращающиеся волнения обрели силу благодаря поддержке солдат, которые хотели мира и земли как платы за принесенные ими жертвы. Кроме того, условия содержания гарнизона в городе были ужасны.

Революционные партии сначала почти не имели отношения к происходившим событиям. Большинство населения сочувствовало возможному падению царского режима, но никакого согласия о том, что должно за этим последовать, не было. Среди представителей образованных классов наметились три течения — консервативное, либеральное и радикальное. Консерваторы и даже некоторые либералы, опиравшиеся на Думу, хотели только обновленной монархии, но скоро оказались оттесненными от власти. Более радикальные социалистические группировки — социал-демократы и эсеры, — поддерживаемые революционной массой, вошли в «Совет рабочих и солдатских депутатов», подобный тому, что существовал в 1905 году, и шедший гораздо

дальше оппозиционеров из Думы на пути осуществления «свободы». Уже 1 марта Совет издал знаменитый Приказ № 1, обращенный к войскам петроградского гарнизона, предписывающий солдатам не выполнять «контрреволюционных распоряжений офицеров». Этому быстро распространившемуся и необходимому в тот момент приказу в дальнейшем приписывали преувеличенно важную роль в развале армии.

Прибывший в Петербург 1 марта известный литератор, толстовец по убеждениям, Владимир Поссе сразу направился в Таврический дворец, где заседала Государственная Дума, на этот момент бывшая единственной действующей властью в столице.

Он так описывает свои впечатления: «В Екатерининской зале гудела серая толпа солдат с рюкзаками в руках. Представители разных партий агитировали между ними. От умеренных и патриотов солдаты злобно отворачивались. Никакого царя не хотели. «Нам теперь пощады не ждаты, ни к чему нам и царский род щадить», — отвечали солдаты тем, которые советовали заменить Николая Михаилом. Особенно сочувственно прислушивались к речам о немедленном мире. Интересовались «землей», перейдет ли она к крестьянам?» Все же 2 марта делегация Думы и фронтовое командование вынудили Николая Второго отречься от престола в пользу брата Михаила (из-за болезни сына). Но надежды тех политиков, кто хотел таким образом сохранить Империю, скоро рассеялись. Михаил, живший до этих пор как частное лицо, не чувствуя себя в силах справиться с ситуацией, также отрекся на следующий день. После этого отречения Империя прекратила свое существование.

Общее настроение населения, особенно молодежи, было ликующим. Из Петрограда оно перекинулось в Москву и провинцию. Одна молодая женщина вспоминала о том, что происходило в эти дни на московских улицах: «Как хорошо было идти по Москве! Вместе со мной шло много студентов. Навстречу нам проскакал взвод казаков, у них у каждого был красный бант. Они смеялись и помахали нам саблями тоже с красными бантами. Вот и Бутырки. Как я ненавидела эту тюрьму. Сейчас огромные ворота были открыты студентами. Раскрылись окна. Из окон во двор полетели цепи. Раздались крики: «Да здравствует Свобода, Равенство, Братство». Я стояла во дворе и думала: «Никогда, никогда уже не захлопнутся эти ворота. Мы их раскрыли навек».

Вместе с воротами тюрем открывались и пути в будущее, но большинство из тех, кто так радовался, казалось, не подозревали, что разрушение государства влечет за собой и угрозу безопасности каждого человека. Преследуемые толпой полицейские спешили скрыться, а вместо них появлялись люди с винтовками, да и с пулеметами, занимавшие подвернувшиеся особняки и не признававшие никакого закона.

К тому же царствовавшая династия была важной скрепой, соединявшей народы Империи, которые сразу же заговорили о независимости. Это коснулось не только Польши и Финляндии, но даже Украины.

Дума, где господствовали правобуржуазные партии, не могла рассчитывать на то, чтобы сохранить власть. Гораздо большее влияние имел Совет. В самом Совете также было несколько политических течений. Главную роль здесь играли эсеры, от которых крестьянство ждало «черного передела». Но эсеры медлили, не решаясь начинать ре-

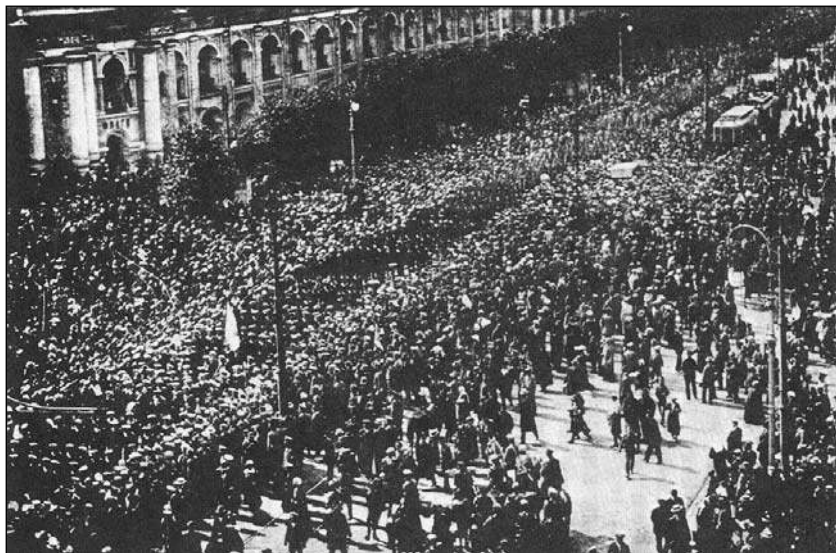

И.Г. Якушкин

форму в условиях войны. Социал-демократы — меньшевики — считали революцию «буржуазной», и потому не брали на себя инициативы, хотя и расходились с либералами по вопросу о мире. Наиболее радикальные революционеры — большевики — были в нерешительности, пока в Россию из эмиграции не вернулись их лидеры.

Компромисс между Думой и Советом привел к тому, что было сформировано Временное правительство, включавшее в основном либералов-западников во главе с известным представителем земства князем Львовым. Среди министров оказались кадет Милюков, октябрист Гучков и близкий к эсерам Керенский. Правительство пыталось сохранить какой-то порядок с целью продолжения войны и выполнения обязательств перед союзниками. Но положение самого правительства было крайне непрочным. Вооруженная масса людей, фактически совершивших революцию, ему не доверяла и с надеждой смотрела на Совет, от которого ждали Мира и Земли. Без этого достигнутая Свобода для народного большинства была лишь абстракцией. Споры между двумя властными структурами, по-разному понимавшими демократизацию жизни, не способствовали быстрому принятию необходимых решений. Каждая из них имела свою программу, но колебалась начать ее осуществление. Предполагалось, что прежде начала преобразований необходимо достичь общего согласия. Но выходило обратное. Правительство настаивало на активизации военных действий и откладывало вопрос о Земле до созыва Учредительного собрания, с которым также не торопилось. Руководящие органы Совета ограничивались общими призывами к миру «без аннексий и контрибуций».

Текущая общественная жизнь также поражала современников своей двойственностью. Частично, особенно в провинции она сохраняла старые формы, но наряду с этим на каждом шагу принимала новые поражающие воображение драматические формы. Яркую картину происходившего в это время дает в своей знаменитой книге приехавший в Петроград Джон Рид: «Повседневная мелочная жизнь города шла своим чередом, стараясь по возможности не замечать революции. По коридорам и вестибюлям расхаживали молодые офицеры, щеголяя малиновыми башлыками с золотыми позументами и чеканными кавказскими шашками. В полдень дамы из второго-третьего разрядного чиновничьего круга ездил друг к другу на чашку чаю... и мечтали вслух о

Демонстрация 1917 года

том, как бы было хорошо, если бы случилось что-нибудь, что могло бы разрешить наболевший вопрос о прислуге... А вокруг них корчились в муках, вынашивая новый мир, огромная Россия. Прислуга, с которой прежде обращались как с животными и которой почти ничего не платили, обретала чувство собственного достоинства. На фабриках приобретали опыт и силу и понимание своей исторической миссии в борьбе со старым порядком фабрично-заводские комитеты. Какое изумительное зрелище являет собой Путиловский завод, когда из его стен густым потоком выходят сорок тысяч рабочих, выходят, чтобы слушать социал-демократов, эсеров, анархистов... В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездках, и в трамваях, повсюду».

Эти наблюдения американского журналиста, как и воспоминания В. Поссе, Н. Суханова и других современников, показывают, что зияющая пропасть между сословиями, одним еще месяц назад вполне благополучным, и другим, веками погруженным в традиционное варварство, не только не пропала, но разверзалась все шире и шире. В какую сторону качнется в дальнейшем маятник революции, было непонятно, но в первых числах апреля в Россию из эмиграции вернулся Владимир Ленин. Ни союзники, ни Временное правительство не хотели возвращения этого яростного противника продолжающейся войны, и ему пришлось заключить сделку с германским правительством. Отсюда пошли не кончившиеся по сей день споры и обвинения в адрес Ленина. Конечно, немцы, способствуя возвращению большевистского вождя, преследовали свои цели. Но и Ленин преследовал цель уничтожения существовавшего режима не только в России, но и в самой Германии. Эта цель, в конце концов, и была достигнута.

Выступив сначала с броневика на Финляндском вокзале, в дальнейшем он сформулировал свои «Апрельские тезисы», которые поразили и его противников, и сторонников. В отличие от большинства колеблющихся и сомневающихся революционных вождей лидер большевиков развернул далеко идущую перспективу хода революции. Сначала он предполагал создание широкого демократического движения с активным участием народа. Это привело бы к «власти Советов», которую бы осуществляла коалиция всех социалистических партий. После поддержки со стороны западного пролетариата должен был начаться постепенный переход к уничтожению частной собственности, «освобождению труда» и социализму. Основной целью Ленина и его соратников была предсказанная Марксом мировая революция. Поданный Россией пример должен был всколыхнуть трудящихся всего мира, которые свергнут несправедливую власть имущих классов.

Постепенно вокруг Ленина собрались и увлеченные его идеями сторонники. Одним из его главных союзников неожиданно стал приехавший из Америки Лев Троцкий, до тех пор его постоянный оппонент. Ленин в скором времени собрал вокруг себя значительные и относительно хорошо организованные силы. Выдвинутая им программа коренного переустройства общества, которая фактически порывала с остальной социал-демократией, привлекала как человека массы, так и энтузиастов-идеалистов, мечтавших о всеобщем счастье. Среди последних был и упомянутый выше В.А. Поссе, основавший «Союз трудового народа», целями которого были полное уничтожение собственности и денег и осуществление главного права человека — права на развитие своих духовных и физических сил. Совершенно наивна точка зрения, что большевики стремились в первую очередь к власти, которая в ближайшем будущем грозила им самой гибелью, хотя желание сыграть заметную историческую роль, конечно, присутствовало. Также невероятным упрощением было бы представление о большевистской программе как о полной уравниловке (знаменитое «отнять и поделить»). Были среди сторонников большевиков, конечно, и честолюбцы, и авантюристы, и просто случайные люди, присоединившиеся к набиравшей силу партии.

В своих «Тезисах» и последующих обращениях к народу Ленин предлагал немедленно начать созидание совершенно нового общественного порядка. Он и его сторонники верили в то, что на данном этапе истории, согласно пророчеству Маркса, может быть уничтожена несправедливость, присущая сложившейся в течение веков цивилизации. Следуя Марксу, большевики готовились предпринять новую, после христианства, попытку искоренить «мировое зло», заключавшееся в трех присущих сложившейся цивилизации проклятиях — войнах, эксплуатации и лжи. Преодоление этого должно было лечь в основание нового общественного идеала. Достичь «коммунистического рая» большевики хотели, рассчитывая на преобразование человека, вырванного из пут эксплуататорского общества. А тем, кто был до сих пор на вершине общественной пирамиды, теперь преграждался путь уже не в «царствие небесное», а в земное счастливое будущее. Огромное значение для русских романтиков материализма был вопрос об освобождении женщины, бывшей в буржуазном и русском полufeодальном обществе фактическим предметом купли-продажи. Многие участники революции зачитывались книгой Августа Бебеля «Женщина и социализм».

Революционеры, конечно, понимали опасность социального взрыва, сулящего многочисленные жертвы. Но решительным аргументом в пользу развертывания революции была война, ставшая в глазах ее участников и свидетелей воплощением абсолютного зла. Многим казалось, что жертвы социального катаклизма, который бы покончил с войнами, могут быть не столь велики. И когда в России зашевелилась человеческая масса и рухнул имперский режим, Ленин и его соратники посчитали, что невозможно упустить единственный исторический шанс и не дать толчок грандиозному повороту мировой истории. Проект казался утопическим, но наиболее воспламеняющим умы был призыв Ленина к самодеятельности масс, которым предлагалось самим устраивать свою судьбу. Люди верили в возможность осуществления утопии, несмотря на то, что жизнь ежечасно доказывала обратное.

Уже с апреля на улицах Петрограда снова начались рабочие демонстрации и зазвучали знаменитые слова: «В царство свободы дорогу грудью проложим себе». Почти все население России сразу выступало против существующего порядка во имя «мира» и «свободы», но понимало то и другое совершенно по-разному. Как и во время Февральской революции 1848 года во Франции, период радостного возбуждения сменился острым противостоянием «низов» и «верхов». Стала вырисовываться угроза гражданской войны. Аналогом июньских событий 1848 года во Франции оказалось июльское выступление пробольшевистски настроенных рабочих, солдат и матросов. Роль самих большевиков в этом выступлении оставалась еще незначительной. Ленин считал его преждевременным. Это выступление было подавлено, хотя и менее решительно, чем его исторический аналог. После него возросшая к началу лета популярность большевиков начала падать. Многие из них были арестованы и заключены в тюрьмы. Ленин скрывался в Финляндии. Казалось, что какие-то силы порядка должны были возобладать, потому что большинство населения боялось превращения свободы в полную анархию.

Но правительство нуждалось в обновлении, и его возглавил пользовавшийся большой популярностью, один из видных «ораторов революции» А.Ф. Керенский. Он умел возбуждать энтузиазм как у дамской, так и у солдатской аудитории. Теперь ждали от него формирования центристского социалистического правительства без представителей буржуазии. Такой шаг мог бы склонить на его сторону колеблющиеся массы. Но Керенский снова пошел на создание широкой коалиции, включив в правительство и капиталиста Терещенко, и социалиста Чернова. Согласно в общих фразах, они не могли предпринять никаких совместных действий и даже решиться на немедленный созыв Учредительного собрания. Ко всему добавилась неудача предпринятого по настоянию союзников наступления на Западном фронте. В городах нарастали трудности с продовольствием, пожары, грабежи, убийства.

К началу августа общество продолжало находиться в состоянии возбуждения, осязаемая весь драматизм ситуации, но и все еще лелея надежды на воплощение в жизнь своих мечтаний. Значительная часть интеллигенции и тех, кого теперь называют средним классом, продолжала верить фразам Керенского о России, после победоносного окончания войны процветающей в условиях невиданной гражданской свободы. Однако все больше представителей этого воззрения переходили в другой, офицерско-чиновничий лагерь, ждавший благополучия только от сильной власти и надеявшийся на возрождение монархии. Часть рабочего класса, наиболее грамотных солдат и интеллигенции поддерживала большевиков. Наконец, основная масса солдат-крестьян хотела мира и последующей вольной жизни на вольной земле.

По словам молодого тогда поэта Николая Тихонова, Россия находилась на «перекрестке утопий». Предвидя недалекое будущее, он писал в стихотворении «Утопия ужаса»:

Когда мечта, пленившая народ,
Чешуетелым обернулась гадом,
Осмысленно зачавкал пулемет,
Беззубый зверь, плюющий верным ядом.

Распались утопий корабли,
Умы сгорели, точно клочья ваты,
По улицам кричали и несли
Навязчиво ненужные плакаты.

Все же «умеренные» еще могли перегруппироваться и захватить инициативу. Решающую роль должны были сыграть Советы, в руководящих органах которых большинство продолжало принадлежать эсерам и социал-демократам — меньшевикам. Но среди них тоже не было согласия. Партии, возглавлявшие Советы, с оговорками поддерживали Керенского, но и там намечался раскол. Среди меньшевиков все больше углублялся раскол между «оборонцами» и «интернационалистами», по-разному относившимися к способам достижения «мира». Меньшевики-интернационалисты и «левые» эсеры во главе с героиней первой революции Марией Спиридоновой осуждали репрессии против большевиков. Напротив, один из наиболее популярных эсеровских вождей Борис Савинков требовал усиления репрессий.

Но инициативу захватили другие силы. Попытка офицерского мятежа во главе с генералом Корниловым была одновременно концом демократии. Как в 1792 году во Франции сговор короля с иностранными правительствами и развязанная ими война привели к радикализации масс, так и теперь, в 1917-м, ту же роль сыграли корниловский мятеж и двусмысленная позиция правительства Керенского. Народ не хотел возвращения «господ» и оказал корниловцам мощное сопротивление. Красногвардейские отряды, созданные, прежде всего, большевиками, остановили движение войск к Петрограду. Командовавший этими войсками генерал Крымов покончил с собой, а Корнилов и другие организаторы выступления были арестованы в Ставке.

Колебавшийся между двумя враждебными силами Керенский быстро лишился поддержки и власти, хотя, подобно Николаю Романову в феврале месяце, казалось, не осознавал этого. Он еще пытался сплотить своих сторонников, собирая общественные форумы, такие как «демократическое совещание» и «предпарламент». Но все это было бесполезно. Революция все больше напоминала разогнавшийся коток, что сказывалось и в резком падении дисциплины в армии, и в начавшемся отделении национальных территорий, и в захвате помещичьих земель. Она становилась социальной революцией обездоленных.

С тревогой следивший за событиями Максим Горький так описывал разговор с одним из рабочих, смотревших, как в Петрограде горело здание суда. Горький приводит слова своего собеседника: «Я говорю: сразу надо искоренить весь вред. Всю старин-

ку)». — И пишет далее: «Этот человек был первый, который решительно выдвинул не от разума, а, видимо, от инстинкта своего лозунг: надо все искоренить. Теперь, летом, речи на эту тему звучат все тверже и чаще. Вчера, после митинга в Народном доме, бородатый солдат воодушевленно, заикаясь и глотая слова, размышлял пред толпою человек в полсотни: «Они чего говорят? Они опять то самое, через что погибаем. Нет, братья, дадимтя им всего; натя, пейтя, ешьтя, разговаривайтя промеж себя, а нам, народу, не мешайтя! Мы — сами. Мы, значитя, положили выполоть всю сор-траву вашу, мы желам выкорчевать все пеня, коренья — во-от! Так ли? — Люди десятками голосов утвердили: — «Так. Верно». — То-то. Им надо прямо сказать: отходи, господа, в сторону, не путай, не мешай. Пей, ешь, а нас — не тронь. Они говорят: опять наступай, опять воюй. Не-ет, братья, мы уж наступили друг дружке на животы, не-ет! Так ли? Толпа почти единогласно согласилась: «Так». Заявления о необходимости коренной — социальной — революции раздаются все громче, идут от массы. В массе возникает воля к самодеятельности, к жизни активной. И с каждым днем жизнь принимает все более серьезный, строгий характер: всюду чувствуется напряжение ее сил».

Момент оказался благоприятным для большевиков, которые возглавили сопротивление Корнилову и возвращали себе несколько поколебленный в июле авторитет. Уже к сентябрю они завоевали симпатии не только большей части рабочих, но, отчасти, и крестьянства. Они смело перехватили эсеровский лозунг равного наделения землей всех, кто на ней работает, но и поддержали самочинные захваты дворянских владений. Ораторы большевиков, и прежде всего, Лев Троцкий, сразу приобрели огромную популярность. Летописец революции Н. Суханов так описывает реакцию митинговую толпу на выступление Троцкого: «Зал был почти в экстазе. Казалось, что толпа запоет сейчас без всякого сговора какой-нибудь революционный гимн... Предлагается резолюция: за рабоче-крестьянское дело стоять до последней капли крови... Кто за? Тысячная толпа, как один человек, вздернула руки. Пусть ваш голос будет вашей клятвой поддерживать всеми силами и со всей самоотверженностью Совет, который взял на себя великое бремя довести победу революции до конца и дать людям землю, хлеб и мир».

В это время скрывавшийся от ареста Ленин писал работу «Государство и революция», в которой развивал идеи социальной утопии и предрекал конечную гибель государственной машины, противостоящей остальному населению. Тем не менее, он отдавал себе отчет, что на первых порах государство сохранится и будет иметь вид «диктатуры пролетариата». Эта диктатура должна была подавить сопротивление враждебных классов и анархию, к которой неизбежно были склонны малосознательные слои населения. Пока он еще не вспоминал о предупреждении Бакунина, что так называемая диктатура класса неизбежно выльется в диктатуру узкой группы профессиональных революционеров, которые и будут осуществлять власть. В текущий момент Ленин еще надеялся на спокойный характер развития событий и призывал Советы к мирному устранению Временного правительства. Но уже в начале Октября он решил на призыв к восстанию, которое после бурного обсуждения на заседании центрального комитета партии (при двух несогласных) было намечено на 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Октябрьский переворот в Петрограде почти не встретил сопротивления. Возможность защищаться у Временного правительства оказалась слишком слабой. Американский журналист А. Вильямс писал: «Внешне революция казалась чем-то законным и даже мягким и обыденным, и, вероятно, она не была бы таковой, если бы не громадная организационная работа и не тщательное планирование, с которыми она готовилась». Немногочисленные отряды красногвардейцев, среди которых особая роль принадлежала матросам, с утра 25 октября без труда захватили основные государственные учреждения. Оставалось арестовать правительство. Сам Керенский бежал на фронт, пытаясь найти союзников в армии.

К вечеру этого дня вокруг Зимнего дворца собралась огромная толпа красноармейцев и зрителей. На Неве стояла пришедшая из Кронштадта «Аврора», чьи выстрелы, то ли холостые, то ли из легких орудий, были сигналом к «штурму». Как он происходил? Непосредственный свидетель событий Джон Рид пишет, что пронесся слух, что защитники дворца — юнкера — ждут, чтобы их выгнали. «Подобно черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков проходили мы под красной аркой (Главного штаба). Так мы бежали, пока внезапно не наткнулись на пьедестал Александровской колонны. Простояв тут несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого приказа снова кинулся вперед. Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, спрыгнув вниз, разразились восторженными криками, под нашими ногами оказались винтовки, брошенные юнкерами. Увлеченные бурной человеческой толпой, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходящий в большую сводчатую комнату... Стали появляться юнкера кучками по три — четыре человека». После того, как юнкеров обезоружили, их отпустили на свободу. Потом в дверях появился солдат, за которым гуськом шли арестованные члены Временного правительства. «Они проходили молча. Победители сдвигались, чтобы поглядеть на них, но негодующих выкриков было мало». Всего при занятии дворца от случайных выстрелов погибло около десяти человек. Начавшиеся грабежи были быстро остановлены. Бывших в истерике представительниц «женского батальона» отвезли на Финляндский вокзал и отправили туда, где был их лагерь.

Восстание было приурочено к открытию Второго съезда Советов. В ночь переворота перешедший из штаба большевиков Смольного в Таврический дворец, где заседал съезд, Ленин под аплодисменты зала зачитал три знаменитых декрета: «О мире», «О земле», «О власти». Благодаря декретам о Мире, которого все ждали, и о Земле, которая переходила крестьянам, большевикам удалось получить поддержку большинства съезда. Эти акты привлекли на сторону большевиков часть крестьянской массы и раскололи партию эсеров. Левые эсеры, частично унаследовавшие анархистские идеи Бакунина, стали союзниками ленинцев и вошли в коалиционное правительство во главе с Лениным (Совнарком), к которому перешла власть. Остальные представители социалистических партий покинули съезд.

Бежавший Керенский, поддержанный казачьим генералом Красновым, организовал поход на Петроград, но немедленное свержение нового правительства не состоялось. Казаки фактически не сопротивлялись отряду кронштадтских матросов под командованием Дыбенко. Керенский снова скрылся, а Краснов был отпущен под честное слово. В Москве, после тяжелых боев с юнкерами, также была одержана победа. Но ситуация оставалась неопределенной и почти неуправляемой. Огромная проблема состояла в том, что масса вернувшихся с фронта, сохранивших оружие солдат являла собой стихию, готовую действительно «смести все до основания». В городе происходили винные погромы, грабежи, убийства на улицах и даже в больницах, где были застрелены кадетские лидеры Шингарев и Кокошкин. Особенно бесчинствовали анархисты, видевшие в этом осуществление желанной «свободы».

Назначенный председателем созданной 7 декабря 1917 года Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией польский революционер Феликс Дзержинский так описывал создавшееся положение: «Это было время, когда мы заняли посты во всевозможных бывших министерствах, и нам пришлось найти только пустые кресла, столы, закрытые ящики и шкафы без ключей, и курьеров, которые одни только перешли на нашу сторону... Это было время, когда приходилось разоружать деморализованные части демобилизующейся армии... В это время в Петрограде и других городах образовались тайные контрреволюционные организации: ориентации немецкой и англофранцузской, но единой ориентации, враждебной нам». Сам Дзержинский представлял собой тип революционера, подобного знаменитым деятелям Французской революции, ради торжества идеи готовым

посла на гильотину своих лучших друзей, но никогда не преследовавших свои личные цели. Благодаря действиям ВЧК сразу были остановлены винные погромы, причем при участии матросов уничтожено 5 миллионов бутылок из запасов Зимнего дворца. Но только к апрелю 1918 года ЧК удалось осуществить разгром анархистских убежищ и навести относительный порядок на улицах. Конечно, принятые меры были достаточно жестокими. Много объяснялось тем, что, как писал Дзержинский, «в наше учреждение бросилась масса авантюристов», а также привычных к убийствам террористов из числа левых эсеров.

Если сравнивать октябрьское восстание-переворот с событиями, уничтожавшими французскую монархию, то надо признать русский вариант менее кровавым. Ни в октябре, ни в ближайшие месяцы в России не было ничего, подобного убийствам, следовавшим за 10 августа 1792 года или 31 мая 1793 года во Франции. Огромная воля и политическое чутье Ленина обеспечивали успех переворота, придавшего русской революции совершенно новый облик. Находившаяся в германской тюрьме Роза Люксембург в письме от 24 ноября 1917 года писала: «Дела в России полны чудесного величия и трагизма. С этим нераспутываемым хаосом ленинцы, конечно, не справятся, но их штурм уже сам по себе всемирно-исторический факт и подлинная «веха». Для немецкой революционерки большевики были продолжателями всех тех, кто ранее веками вел борьбу за социальную справедливость. «Большевики, — писала она дальше, — исторические наследники английских «уравнителей» и французских якобинцев. Но конкретная задача, которая выпала на их долю в русской революции после взятия власти, несравненно труднее, чем задачи их исторических предшественников».

Существовал еще потенциально наиболее легитимный орган — Учредительное собрание, на которое постоянно ссылались и сами большевики. Значительная часть крестьянства продолжала поддерживать традиционно близкую им партию эсеров, которые и получили большинство в созванном в январе 1918 года Собрании. Россия снова оказалась на историческом перекрестке. Часть большевиков и их союзников готовы были согласиться на передачу власти, но Ленин не хотел и не мог выпустить из рук историческую инициативу и решил последовать примеру Кромвеля, Бонапарта и Столыпина. Учредительное собрание, открытое лидером эсеров Виктором Черновым, просуществовало один день и ночь. По его собственным словам, Чернов не прореагировал на слова бритого матроса (Железнякова): «Караул устал», — и продолжал вести заседание до утра. Но по возвращении после перерыва делегаты нашли двери Таврического дворца запечатанными. Разгон Учредительного собрания, хотя и произвел тяжелое впечатление на большую часть демократической, в том числе народнически настроенной, интеллигенции, но не привел к серьезным волнениям. После этого правительство все еще сильно зависело от съезда Советов, избираемого трудовой частью населения и игравшего роль высшей власти в стране. К началу 1918 года Советы пришли к власти почти по всей России. При этом местные советские органы, где велико было представительство состоятельной части населения, часто проводили политику, никак не связанную с политикой центра.

Съезд Советов в марте 1918 года должен был решить и важнейший вопрос о мире с Германией. И на съезде, и в центральных советских органах, кроме большевиков, сохраняли значительное представительство левые эсеры, носители крестьянской утопии «черного передела» и вместе с тем сторонники скорее национальной, чем мировой революции. Выполняя обещания, данные народу, и одновременно спасаясь от грозящего нашествия, правительство (Совнарком) пошло на заключение унижительного Брестского мира. Но согласия Съезда на мир его главному инициатору, Ленину, пришлось добиваться с огромными усилиями. Левые эсеры во главе с Марией Спиридоновой требовали революционной войны с Германией и после заключения мира вышли из правительства.

Мир, конечно, был вынужденным и далеко не полным. Значительная часть быв-

шей империи оказалась под властью Германии, а на остальной территории России начиналась Гражданская война. Все же большевики объявили о мирной передышке и надеялись за короткое время наладить новую жизнь. Уже сразу начали вырисовываться контуры двух различных проектов дальнейшего развития, пути осуществления которых позже перекрещивались сложным образом, — проекта перехода к соответствующему теории социализму и проекта модернизации России в рамках неполного соответствия догме. По представлениям таких большевиков, как Александра Коллонтай и Николай Бухарин, после революции народ должен был сразу изменить все течение жизни. Казалось, освобожденный от власти капитала «труд» и освобожденная от той же власти «любовь» дадут невиданный толчок человечеству на пути к «тысячелетнему» царству свободы. Завоевав власть, большевики предполагали сразу начать ликвидацию частной собственности и денежных отношений. Такой пример быстрого перехода к «социализму» казался необходимым также для того, чтобы увлечь другие страны на путь мировой революции. В основном разделяя эти взгляды, Ленин и некоторые его соратники (Троцкий, Луначарский) все же склонялись к необходимости вступить на второй путь, что было бы предвосхищением начавшегося через три года НЭПа. В числе «очередных задач» Ленин видел развитие государственного капитализма, предполагающего концессию, сдачу государственных предприятий в аренду и различные формы кооперации и торговли. Он уже понимал, что неотвратимо решение особенно трудной для России задачи — повышения производительности труда. В силу этого весной 1918 года жесткое наступление на буржуазию как будто было ослаблено. Приостанавливалась национализация промышленности. Но в начале лета процесс классового противостояния отчасти стихийным образом возобновился. Состояние страны требовало принятия немедленных радикальных решений и заставляло менять стратегию под давлением обстоятельств. Времени не было, катастрофа уже наступала города. Промышленность останавливалась, надвигался голод. Инерция движущегося потока подхватывала и Ленина, и его сторонников, и противников. Попытки замедлить разрушительный процесс путем убеждения и призывов ни к чему не привели. Оставался путь насилия, и на него все больше вступала новая власть.

Чтобы сдержать стихию, правительство само вернулось к политике национализации. Не в силах справиться с упадком производства, большевики попытались контролировать распределение. Была фактически запрещена свободная торговля и введена продразверстка, т.е. принудительное изымание хлеба у крестьян. Далее трудности с продразверсткой толкнули большевиков на организацию комитетов бедноты (комбедов), что до крайности обострило ситуацию в деревне и оттолкнуло от новой власти среднего крестьянина. Участников так называемых продотрядов сплошь и рядом, напоив сперва самогоном, зверски убивали. Недовольству и городского, и сельского населения способствовала и ожесточенная, хотя и безуспешная, борьба с «мешочниками», нелегальными торговцами хлебом. Отношения с большей частью населения, особенно с крестьянством, все осложнялись. Вопрос заключался в том, как дальше сложатся отношения между борцами за осуществление утопии и большинством народа, который понимал пришедшую «свободу» как время смуты, т.е. вседозволенности.

Наступила трехлетняя эпоха «военного коммунизма». Как отмечает историк русской революции А. Карр, она сочетала попытку немедленного осуществления социализма и вынужденные меры. Народная стихия грозила поглотить промышленность, как и сельское хозяйство. Средством сохранить новый порядок вещей была диктатура пролетариата, хотя, как заметил посетивший в эти годы Россию английский философ Бертран Рассел, Запад напрасно думал, что это понятие означает народоправство, осуществляемое пролетариатом. Как раз такое народоправство имел в виду и Ленин в «Государстве и революции». Но как обнаружил Рассел, в России была диктатура, но фактически не

было пролетариата. Даже те пролетарии, которые совершили революцию, рассеялись по фронтам или бежали от надвинувшегося голода в деревню. Конечно, большевики сознавали недостаточность пролетарских людских ресурсов в России, но надеялись, что к поднятому в России знамени соберутся истомленные мировой войной пролетарии ведущих стран. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» должен был всколыхнуть весь мир. До известной степени это так и произошло. Мир был потрясен тем, что случилось в России. Как пролетариат, так и многие приверженные социалистическим идеям западные интеллигенты сочувствовали Октябрю, но, тем не менее, не спешили следовать данному русскими примером.

Правительство опиралось главным образом на беззаветно веривших в новые идеалы членов партии. Немногочисленная партия коммунистов была одушевлена идеей переустройства мира и напомнила Расселу, как и Розе Люксембург, своим аскетизмом и безжалостной решимостью кромвелевских «круглоголовых». Эта партия и осуществляла диктатуру. Главными ее средствами были «надежда и насилие». Конечно, среди большевиков и близких к ним политиков и публицистов были последовательные противники лозунга иезуитов «Цель оправдывает средства». Оценивая способы осуществления большевистского идеала, та же Роза Люксембург писала: «Практика социализма требует подлинного духовного переворота в массах, веками деградировавших под буржуазным классовым господством. Социальные инстинкты вместо эгоистических; массовая инициатива вместо костности; идеализм, позволяющий преодолеть все страдания. Никто не знает этого лучше, не говорит об этом убедительнее, не повторяет это упорнее, чем Ленин. Но он целиком ошибается в выборе средств... Декрет, диктаторская власть фабричных надсмотрщиков, драконовские наказания, террор — все это паллиативы. Единственный путь к возрождению: школа самой общественной жизни, неограниченная широчайшая демократия, общественное мнение. Именно господство террора деморализует. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией». Возможен ли был для революции другой путь, кроме эскалации насилия? Склонить народ и общество на свою сторону можно было также и компромиссом. Большевики использовали и то, и другое, но слишком часто насилие торжествовало.

На основную часть русской интеллигенции и деятелей культуры произошедшая в феврале-октябре 1917 года Великая социальная и политическая революция произвела ошеломляющее впечатление. Мы видим здесь невероятное многообразие оценок — этических, эстетических, эмоциональных, радость, которую сменяет отчаяние, любовь, которую сменяет ненависть.

Уловив своей гениальной интуицией поэта все значение происходящего, Александр Блок уже в начале 1918 года написал итоговые для себя произведения «Двенадцать» и «Скифы». В этих поэмах Блок передал услышанную им великую и страшную «музыку революции». Она порождена надвигающимся мировым катаклизмом, столкновением старой цивилизации с восставшими варварами, которые долго эту цивилизацию оберегали и поклонялись ей, а теперь были ею преданы. Но несмотря ни на что, существует еще возможность единения:

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Для Блока участники революции были, может быть, бессознательными последователями Христа, образ которого он увидел во главе описанного им шествия двенад-

цати. Но ведь и Христос на самом деле принес с собой «не мир, но меч». Есть в поэмах и страшные предчувствия, которые продолжают оправдываться и по сей день. Близкие Блоку настроения владели и Сергеем Есениным, которому мерещилось также некоторое обновленное христианство, выходящее из глубин народной сельской Руси, «отчалившей» и плывущей к новому берегу:

То душ преображенных
Неисчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

Блоку и его единомышленникам отвечала Зинаида Гиппиус, одна из вдохновительниц Серебряного века, а теперь охваченная «безумной горячкой» ненависти к новым варварам. Для нее, как и для ее мужа Дм. Мережковского и многих других, европейская цивилизация и гражданская свобода были той целью, к которой Россия неуклонно должна была стремиться. Были и те, кто просто с тревогой ожидал дальнейшего.

Ну что ж, попробуем, огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь мужи...

Так писал Осип Мандельштам за двадцать лет до своей страшной гибели.

Значение и смысл событий, произошедших в Октябре 1917 года в Петрограде, до сих пор продолжают вызывать ожесточенные споры. На наш взгляд, не следует противопоставлять друг другу события разных периодов революции, о которой Бертран Рассел писал: «Российская революция — одно из величайших героических событий мировой истории. Ее сравнивают с французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества, она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей». Это значение Русские события 1917 года приобрели именно благодаря своему октябрьскому завершению. «Несомненно, что самое важное в российской революции, — продолжает Рассел, — это попытка осуществить коммунизм... Большевизм, даже если рассматривать его лишь как дерзновенную попытку, без которой конечный успех был бы просто невозможен, все равно заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества».

Почему большевикам удалось достигнуть такого успеха? Выдающийся русский социолог-эмигрант Питирим Сорокин объяснял это так: «Октябрьская революция стала неизбежной после организации трех сил — рабочих, солдат, требовавших мира любой ценой, пусть даже позорного, и крестьянства. В течение первых месяцев после Октябрьского переворота были уничтожены многие ограничения, долевшие над этими тремя группами». О том же пишет и американский историк Александр Рабинович, отмечая теснейшую связь большевистской партии, тогда еще обладавшей самой демократической структурой, с различными слоями населения.

Как можно видеть, русская революция развивалась так же, как большинство европейских революций на протяжении почти трех тысячелетий. Исходной точкой являлось массовое недовольство низов не только собственным состоянием, но и всем поведением представителей властных структур или привилегированных сословий, не соответствующим общественному идеалу. В России это недовольство вылилось в свержение государственного строя. В подобном свержении, как всегда, заинтересованы различные социальные группы, каждая из которых выдвигает свой вариант нового общественного идеала. На эти группы огромное давление оказывает низовая «варварская» стихия, представляющая собой «дви-

жущую силу революции». Эта стихия, кроме ненависти к вышестоящим и стремления «грабить награбленное», движима своим общественным идеалом. Она встает на путь разрушения существующей культуры, которая начинает рассматриваться как пропитанная обманом и благословляющая неравенство. Отрицанию подвергаются господствующая религия или идеология. Неизбежно возникающая анархия так или иначе должна быть остановлена, и ее останавливает диктатура некоторой группы вождей движения... Такая диктатура опирается на идеологию, предлагающую новую модель социального устройства, но вместе с тем широко применяет насилие. Она, хотя и удовлетворяет потребность общества в социальном мире, снова создает дефицит свободы и должна эволюционировать. Часто эта эволюция ведет к созданию империи, переносящей конфликты к внешним границам, но, в конце концов, также идущей к кризису. Но невозможно отрицать, что и в стране, где она произошла, и за ее пределами революция открывает новые исторические перспективы. Бессмысленно говорить о цене приобретаемого опыта. Бесценный опыт этноса приобретается ценой жертвы бесценными человеческими жизнями.

